

ДИКТАТУРА, ДЕМОКРАТИЯ И РАЗВИТИЕ

Мансур ОЛСОН

Оικονομία • Πολιτικά

OIKONOMIA • POLITIKA

Главное содержание жизни любого ученого — это жизнь его идей. В своих научных поисках М. Олсон (1932—1998) был очень последователен, и три его основные книги («Логика коллективных действий», «Подъем и упадок наций», «Власть и процветание») можно рассматривать как своеобразную научную трилогию, посвященную экономическому анализу влияния групп интересов на политический процесс и, наоборот, влияния политического процесса на хозяйственную деятельность социальных групп. Он вскрыл антидемократическую сущность лоббизма, когда малочисленные группы специальных интересов вопреки интересам разрозненного большинства успешно «проталкивают» выгодные им политические решения. Олсон доказывал, что «экономические чудеса» в послевоенных Германии и Японии стали возможными именно из-за ломки традиционных лоббистских структур. При помощи моделей и исторических примеров он продемонстрировал, что для нормальной хозяйственной жизни необходимо стабильное правительство, став автором концепции «оседлого бандита», по сути представляющего собой протогосударство.

В студенческие годы, читая отчет Эварда Бэнфилда о верованиях населения бедной деревушки на юге Италии, я натолкнулся на удивительное утверждение одного деревенского монархиста. Он сказал следующее: «Монархия является наилучшим способом правления, потому что король — хозяин страны. И, как хозяин дома в случае неполадок с электричеством, он починит проводку»¹. Доводы деревенского жителя шли вразрез с моими демократическими убеждениями. Я не мог отрицать, что хозяин всей страны будет заинтересован в том, чтобы сделать свою собственность продуктивной. Можно ли как-то примирить эту долю правды в доводах монархиста с принципами демократии?

Ответ на этот вопрос мне удалось найти только в последние годы. Похоже, что для удовлетворительного разрешения противоречия необходима новая теория диктатуры и демократии, а также объяснение влияния каждого из этих типов правления на хозяйственное развитие. Как только эта теория становится понятной — становится очевидным само происхождение автократий и демократий. Я постараюсь изложить эту концепцию коротко и неформально, используя ее для объяснения некоторых наиболее заметных параметров исторического развития.

Отправным пунктом теории является то, что ни одно общество не может удовлетворительно работать без мирного порядка и, скорее всего, без некоторых иных общественных благ. Очевидно, что анархическая вольница не может быть рациональна для общества: жертвы насилия и грабежа не только теряют то,

¹ Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe, IL: Free Press, 1958. P. 26.

что у них отбирается, но и лишаются стимула производить любые товары, которые все равно отнимут другие. Из-за этого в отсутствие мирного порядка производство почти на нуле. Таким образом, установление спокойствия и обеспечение других общественных благ внутри страны дает колоссальные выгоды. Эти выгоды могут быть распределены таким образом, чтобы каждый член общества оказался в выигрыше. Можем ли мы прийти, тем самым, к заключению, что коль скоро каждый что-то приобретает от введения мирного порядка, то он может быть установлен по добровольному согласию?

По логике вещей, следует ожидать, что в небольших группах мирный в целом порядок будет естественным образом устанавливаться по добровольному согласию, но в больших популяциях этого не произойдет. Ключ ко всему в том, что каждый индивид полностью несет риски или издержки, связанные с содействием в установлении мирного порядка или в обеспечении иных общественных благ, но при этом получает лишь часть принесенной таким порядком выгоды. В небольшой группе, например в группе охотников-собираателей, каждый человек или семья получит значительную долю благ в результате установления мирного порядка, а чистые преимущества порядка настолько велики, что причитающаяся даже одной семье доля значительно перевешивает жертвы, на которые требовалось пойти. Более того, при малой численности общества благосостояние каждого заметно зависит от того, насколько другие готовы действовать с пользой для всех. Таким образом, каждая семья дает понять всем остальным, что сотрудничество с их стороны будет способствовать совместным усилиям, а отказ от сотрудничества — наоборот, и это увеличивает вероятность ожидаемого поведения со стороны других членов общества и тем самым усиливает мотивацию каждого действовать в интересах всей группы. Теоретические ожидания того, что достаточно малые группы чаще всего будут соорганизоваться, имеет многочисленные практические подтверждения².

Такое ожидание также согласуется с антропологическими наблюдениями за самыми примитивными обществами. Самые простые сообщества охотников и собирателей чаще всего формируются из групп численностью до 50—100 человек (включая детей). Иными словами, такая группа обычно состоит из нескольких семей, которым необходимо сотрудничать. Антропологи обнаружили, что примитивные племена обычно сохраняют мир и порядок по добровольному согласию, а также что это в некоторой степени согласуется с наблюдениями Тацита, Цезаря и других авторов классической древности по поводу наиболее примитивных германских племен. Самые примитивные племена чаще всего приходят к важным коллективным решениям путем консенсуса, и во многих из них даже нет вождей. Когда группа становится слишком многочисленной или разногласия возрастают, она может разделиться, а вновь образованные группы также принимают важные решения по всеобщему согласию. Если племя находится на стадии охоты и собирательства, у его членов нет серьезных стимулов к тому, чтобы пытаться подчинить себе другое племя или содержать рабов, поскольку пленники не могут производить достаточно прибавочного продукта, превосходящего расходы по их содержанию и охране³. Таким образом, для наиболее примитивных племен,

² Olson M. *The Logic of Collective Action*. Cambridge: Harvard University Press, 1965.

³ Имеются количественные свидетельства, вытекающие из обширных этнографических наблюдений, которые показывают, что упоминания о рабах практически не встречаются в описаниях жизни наиболее примитивных племен, однако часто встречаются в описаниях структуры более развитых сельскохозяйственных обществ (*Hobhouse L.T., Wheeler G.C., Ginsberg M. The Material Culture and Social Institutions of the Simpler Peoples*. L.: Routledge & K. Paul, 1965). Рабство невыгодно для обществ охотников и собирателей.

находящихся на досельскохозяйственной стадии развития, логично было бы принять в качестве основного предположение о возможности установления порядка мирного сосуществования на основе добровольного согласия.

Как только люди научились эффективно выращивать зерновые культуры, производство выросло и население увеличилось, а большие сообщества людей потребовали правления. Для большого сообщества та же логика, что объясняет способность маленьких групп действовать по взаимному согласию в общих интересах, говорит о том, что добровольное коллективное действие не влечет достаточного вознаграждения от установления мирного порядка или наличия других общественных благ, даже если совокупные чистые выгоды от обеспечения основных общественных благ оказываются значительными⁴. Основная причина кроется в том, что средний индивид в обществе, состоящем, скажем, из миллиона таких индивидов, получит только одну миллионную долю общественного блага, но при этом понесет полные издержки в виде собственных усилий по обеспечению этих благ. И соответственно у него почти не будет стимулов вносить вклад в обеспечение этого общего блага. Имеющаяся на данный момент обширная теоретическая литература и эмпирические наблюдения в основном доказывают, что малые группы могут прибегать к спонтанным коллективным действиям, а очень большие группы не способны к достижению коллективных целей посредством добровольного коллективного действия⁵.

Таким образом, не стоит удивляться тому, что, несмотря на многочисленные утверждения о желательности «общественных договоров» для получения преимуществ закона и порядка, никому еще не довелось встретиться с большим сообществом, добившимся гарантий мирного порядка или других общественных благ за счет согласия членов данного сообщества.

1. Главное благо невидимой руки

Каким же образом наиболее многочисленным обществам в истории человечества удавалось избежать анархии? К ответу на этот вопрос я пришел случайно, читая рассказ об одном китайском военном вожде⁶. В 1920-х годах большая часть Китая контролировалась различными военными вождями. Это были люди, стоявшие во главе вооруженных отрядов, с помощью которых они покоряли некоторую территорию, назначая себя затем властителями этой территории. Они облагали население тяжелыми налогами и присваивали большую часть полученного. Военный вождь Фэн Юйсян отличался тем, что использовал свою военную силу для подавления бандитов, он известен также тем, что нанес поражение довольно сильной армии кочующего бандита Белого Волка. Естественно, что большинство населения во владениях Фэна предпочитали его власть присутствию кочующих бандитов.

⁴ Малые племена могут образовывать федерации и тем самым увеличивать число тех, кто может получать коллективные блага посредством добровольного соглашения (*Hobhouse L.T., Wheeler G.C., Ginsberg M.* P. 62—63). Некоторые из самых ранних сельскохозяйственных обществ, вероятно, были таковыми. Однако, когда количество малых групп увеличивается, вновь возникает связанная с этим проблема координации и добровольные коллективные действия становятся невозможными.

⁵ Выдержки из самых лучших исследований, развивающие и подтверждающие аргументацию «логики коллективного действия», а также ценные собственные исследования можно почерпнуть в работах: *Hardin R.* Collective Action. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982; *Sander T.* Collective Action: Theory and Applications. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992.

⁶ См.: *Sheridan J.E.* Chinese Warlord: The Career of Feng Yu-hsiang. Stanford: Stanford University Press, 1966.

Вначале это кажется непонятным: почему военные вожди, которые были по сути постоянными бандитами и которые непрестанно обирали данную группу жертв, оказывались для этих жертв предпочтительнее кочующих бандитов, которые то появлялись, то исчезали? Военные вожди не могли претендовать на законную власть, и грабежи с их стороны отличались от грабежей кочующих бандитов только тем, что они имели вид скорее постоянного налогообложения, чем периодических набегов.

Фактически, если кочующий бандит разумно обустроивается и начинает взимать свою дань в форме регулярных налогов, одновременно монополизировав право грабить в своем владении, то те, с кого он взимает налоги, получают стимул к ведению хозяйственной деятельности. Рационально ведущий себя оседлый бандит заберет в виде налога лишь часть дохода, поскольку в конечном счете он сможет извлечь больше дохода из своих подданных, оставив им стимул к производству дохода, который можно обложить налогом.

Если оседлому бандиту удается монополизировать право на грабеж в своих владениях, то его жертвы могут не бояться быть ограбленными кем-либо другим. Если он грабит только путем регулярного налогообложения, его подданные знают, что могут оставить себе все продукты своего производства, оставшиеся после уплаты налогов. Поскольку все жертвы оседлого бандита являются для него источником налоговых поступлений, он также заинтересован во введении запрета на убийство или на нанесение увечий своим подданным. При разумной монополизации грабежа, в отличие от некоординированных грабежей со стороны противоборствующих групп кочующих бандитов, жертвы грабежа могут рассчитывать на сохранение того капитала, который они оставляют себе после уплаты налогов, и соответственно они также получают стимул к накоплению и инвестированию, увеличивая тем самым будущие доходы и налоговые поступления. Монополизация грабежа и защита платящих налоги подданных, таким образом, исключает анархию. Поскольку военный вождь отбирает часть произведенного продукта в форме налога, ему выгодно обеспечить подданных всеми общественными благами, которые ведут к значительному увеличению его налоговых поступлений.

В мире кочующих бандитов практически не существует стимулов к производству или накоплению, поскольку все это могут отобрать, поэтому в таком мире самим бандитам практически ничего не достается. Бандитская логика, следовательно, побуждает главаря бандитов к захвату некоторой территории, объявлению себя ее правителем, установлению мирного порядка и предоставлению иных общественных благ ее жителям, что дает ему больший доход от грабежей в форме налогов, чем он мог бы получить от нерегулярных набегов. В результате мы приходим к формуле «самого важного блага невидимой руки»: разумный, своекорыстный вождь банды кочующих бандитов, словно ведомый невидимой рукой, приходит к необходимости осесть, надеть на себя корону правителя и заменить анархию правлением. Колоссальный рост производства, который обычно следует за установлением мирного порядка и обеспечением иных общественных благ, дает постоянному бандиту значительно большие доходы в сравнении с отсутствием правления.

Таким образом, правление в группах, превосходящих по численности племена, обычно возникает не из общественного договора или из добровольных взаимодействий любого рода, а скорее из реализации разумных эгоистических интересов тех, кто в состоянии мобилизовать наибольшие ресурсы для осуществления насилия. Эти наиболее жестокие предприниматели, естественно, не называют себя бандитами, а, напротив, присваивают себе и своим потомкам высокие титулы. Иногда они даже притязают на якобы данное им свыше право

на власть. Поскольку история пишется победителями, происхождение правящих династий, естественно, объясняется обычно высшими соображениями, а не эгоистическими интересами. Деспотические правители всех типов, как правило, заявляют, что их подданные нуждаются в них как в правителях, тем самым питая ложные и не имеющие исторического подтверждения идеи о том, что правление стало результатом некоторого добровольного выбора. В некоторых исследованиях эти утверждения находят отражение в теории «транзакционных издержек», которая пытается отчасти или полностью объяснить возникновение различных видов правления заключением добровольных соглашений и связанными с их выполнением транзакционными издержками⁷.

Любой обладающий единоличной властью в стране индивид гарантирует ее населению общественные блага, поскольку он имеет в стране «преобладающий интерес»⁸. Степень этого преобладающего интереса должностного лица, политической партии, группы с общими интересами, монарха или иного полного или частичного «хозяина» страны варьируется в зависимости от его доли в общественном доходе. Чем значительнее и более всеобъемлюща доля, которая принадлежит индивиду или организации, тем сильнее для этого индивида или организации стимул к обеспечению общества благами. Если единоличный правитель получал бы треть от любого прироста доходов в своих владениях в виде увеличения налоговых поступлений, он тем самым получал бы треть от обеспечиваемых им самим населению общественных благ. У него бы тогда был стимул увеличивать объем предоставляемых общественных благ до отметки, когда рост национального дохода в число раз, обратное одной трети, то есть втрое, превышает последнюю единицу затрат на обеспечение общественного блага. Хотя доходы общества и его благосостояние будут несомненно выше при больших затратах на общественное благо, все же выигрыш для общества от обеспечиваемых корыстным единоличным правителем благ зачастую оказывается весьма значительным. Взять хотя бы выгоды от замены жестокой анархии минимальным общественным порядком.

Из истории известно, что заинтересованность собирающего налоги деспотического правителя приводит к заметному развитию цивилизации. С момента развития первых сельских аграрных обществ и где-то до времени Французской революции подавляющее большинство населения Земли проживало в условиях единоличного правления и грабежа в форме налогов. История вплоть до сравнительно недавнего времени была в значительной степени историей постепенного развития цивилизации в условиях правления оседлых бандитов при периодических вмешательствах бандитов кочующих. Примерно со времени создания Саргоном Аккадской империи в результате завоеваний и примерно до периода Людовика XVI и Вольтера цивилизация

---

⁷ *Kiser E., Barzel Y. Origins of Democracy in England // Journal of Rationality and Society. 1991. No 3. P. 396; North D. Growth and Structural Change. N.Y.: Norton, 1981; North D., Thomas R. The Rise of the West. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.* Данные материалы весьма конструктивны и интересны в связи со своим подходом, однако их сложно назвать убедительными в том, как они пытаются объяснить механизм правительства добровольными взаимодействиями. Норт, подчеркивая важность транзакционных издержек и контрактов, использует в своей трактовке государства также термин «хищническое государство» и логику коллективного действия, поэтому его подход следует отличать от подхода Барцеля.

⁸ Определение направляющего интереса и иллюстрация его значимости содержится в работе: *Olson M. The Rise and Decline of Nations. New Haven: Yale University Press, 1982.* Логическая структура теории, утверждающей, что группа с направляющими интересами будет озабочена последствиями ее действий для всего общества, в то время как узкие группы этим не озабочены, совпадает с логикой, показывающей, что малые группы в состоянии прибегнуть к добровольным коллективным действиям в отличие от больших групп.

прошла впечатляющий путь развития, и все это преимущественно в условиях оседлого бандитизма⁹.

2. Сильная рука

Теперь можно приступить к попыткам примирения откровений деревенского монархиста и упомянутых выше доводов в пользу преимуществ демократии. Хотя деревенский монархист был прав, утверждая, что абсолютный правитель так же заинтересован в устранении неисправностей, как и хозяин дома, эта аналогия ведет к серьезным заблуждениям. Единичный правитель не равен в своем положении хозяину одного-единственного дома или даже хозяину всех домов, он скорее сродни хозяину всего богатства, как осязаемого, так и неосязаемого, во всей стране. Единичный правитель действительно заинтересован в сохранении и увеличении производительности всех и вся в своих владениях, а его подданные только выигрывают от этого. Но он также заинтересован и в том, чтобы ввести монопольную ренту и взимать ее со всего, включая труд.

Иными словами, деспотический правитель заинтересован в извлечении максимально возможного излишка продукта со всего общества и использовании его в своих личных целях. Тот же самый корыстный интерес, который заставляет кочующего бандита осесть и обеспечить управление для своих подданных, заставляет его извлекать максимально возможный доход из общества в свою пользу. Он использует свою монополию на принуждение для получения максимального дохода от налога и прочих поборов.

Потребление деспотического правителя, более того, не ограничено его индивидуальными способностями потреблять продукты питания, кров или одежду. Хотя пирамиды, Версаль, Тадж-Махал или даже три тысячи пар туфель Имельды Маркос обошлись довольно дорого, общественные издержки на содержание деспотических правителей в основном вызваны их стремлением к военной мощи, международному престижу и завоеванию более обширных территорий. Так, большая часть национального продукта, производимого Советским Союзом, уходила на удовлетворение подобных предпочтений его правителей¹⁰.

Некоторые авторы используют метафору «хищнического государства», но она является неверной, даже в отношении деспотических форм правления. Как мы убедились выше, оседлый бандит имеет заинтересованность в территории, которую он контролирует и соответственно обеспечивает на ней внут-

⁹ Большая часть самых значительных достижений цивилизации даже в исторически отдаленном времени приходится на относительно демократические или недеспотические общества, например на древние Афины, Римскую республику, североитальянские города-государства, Голландию XVII века и на (по крайней мере после 1689 года) Британию.

¹⁰ Предложенная нами теория применима к коммунистическим диктатурам, как и к любым другим, хотя ее следует расширить, чтобы учесть «скрытую налоговую дискриминацию», впервые введенную Иосифом Сталиным. Это нововведение позволило сталинистским режимам присваивать большую часть общественного продукта в собственных интересах, что не удавалось многим другим режимам. Это и объясняет успешное превращение Сталиным Советского Союза в сверхдержаву, равно как и высокую военную мощь многих коммунистических режимов. Это также создавало уникальную зависимость системы от управленческих кадров, что в конце концов оказалось фатальным. Пример приложения нашей теории к коммунистическим диктатурам и обществам переходного типа дается в работах: The Emergence of Market Economies in Eastern Europe / C. Clague, G. Rausser (eds.). Cambridge: Basil Blackwell, 1992 (предисловие, глава 4), Murrell P., Olson M. The Devolution of Centrally Planned Economies // Journal of Comparative Economics. 1991. Vol. 15. P. 239—65; Olson M. From Communism to a Market Democracy / Center for Institutional Reform and the Informal Sector. Mimeo. 1993.

ренный порядок и иные общественные блага. Следовательно, он похож не на волка, питающегося своей жертвой — лосем, а скорее на хозяина ранчо, который обеспечивает свой скот защитой и водой. Метафора хищничества затемняет превосходство оседлого бандита в сравнении с анархией и вытекающее из этого прогрессивное развитие цивилизации. Никакая метафора или модель даже авторитарического государства не является, таким образом, верной, если она не учитывает одновременно и заинтересованности бандита в гарантировании общественных благ при стремлении к извлечению максимального чистого избытка для самого себя.

Несмотря на то что исторические формы оседлого бандитизма были различны, суть дела состоит в том, что деспотический правитель получает доходы в форме явного налогообложения. Разумный деспотический правитель потратит часть получаемых за счет налогообложения ресурсов на обеспечение общественного блага, но при этом введет налоги, значительно превышающие те, что отвечают затратам на общественное благо, поскольку он использует налоговые поступления в том числе и для максимального увеличения своих чистых доходов. Чем выше уровень обеспечиваемых общественных благ при данной ставке налогов, тем выше уровень доходов общества и прибыль при данной ставке налогообложения. В то же самое время, чем выше уровень налогообложения при данном уровне обеспечения общественными благами, тем ниже доходы общества, поскольку налоги приводят к искажению стимулов.

Итак, какой же уровень налогообложения и какой уровень гарантий общественного блага выберет разумный корыстный деспотический правитель? Предположим на время, что уровень затрат деспотичного правителя на обеспечение общественных благ является неизменным. Как недвусмысленно показал Йозеф Шумпетер (и как намного раньше интуитивно почувствовал Ибн Хальдун¹¹), налоговые поступления будут увеличиваться (если все начинается с низкой ставки налогообложения) по мере роста ставки налогообложения, но после достижения максимального уровня доходов дальнейшее повышение налоговой ставки приводит к искажению стимулов и к снижению доходов до такой степени, что падают налоговые сборы. Разумный корыстный деспотичный правитель выбирает уровень налогообложения, приводящий к максимизации доходов.

Хотя размеры собираемых налогов при любой ставке окажутся неравными при различном уровне обеспечения общественных благ, уровень ставки налогов, приводящий к извлечению правителем максимального дохода, не изменится. Этот оптимальный уровень налогов точно определяет, насколько преобладающей является заинтересованность правителя в обществе; то есть он определяет, какую долю от национального дохода получает правитель. Затем он тратит полученные деньги на обеспечение общественного блага до того момента, пока каждый потраченный на общественное благо доллар не начнет приносить ему долларовое же увеличение его доли в национальном доходе. В этой точке, как мы помним, выигрыш общества будет эквивалентен доле дохода правителя.

Несмотря на то что подданные деспотического правителя выигрывают в сравнении с жизнью при анархии, им приходится платить столь высокие

---

¹¹ Анализ Шумпетера можно найти в его работе «Кризис налогового государства» (*Schumpeter J. The Crisis of the Tax State // Schumpeter J.A. The Economics and Sociology of Capitalism / Swedberg R. (ed). Princeton: Princeton University Press, 1991*), написанной в обремененной тяжелыми налогами Австро-Венгерской империи конца Первой мировой войны; анализ Ибн Хальдуна — в его классической работе «Мукаддима» (*Ibn Kalduhn. The Muqaddimah / F. Rosenthal (transl.). Princeton: Princeton University Press, 1967*).

налоги и прочие сборы, что любое дальнейшее повышение приведет к настолько серьезному падению доходов, что даже единоличный правитель, который лишь отчасти пострадает от падения доходов в форме снижения налоговых поступлений, окажется в проигрыше.

Нет недостатка в исторических примерах того, как правители получали для реализации своих военных и политических амбиций максимально возможные доходы. Посмотрите на самые крупные деспотические системы Запада. Бурбоны, короли Франции, взымали все что могли в форме налогов (особенно накануне Французской революции). Габсбурги, короли Испании, делали то же самое. Римская империя в конце концов подняла ставку налогов на уровень, дающий максимальные доходы.

3. Сравнение размаха деятельности демократий и диктатур

Можно ли сравнить правление разумного корыстного деспотического правителя и демократию? Существует так много различных типов демократий, что один вывод не покрывает все возможные случаи. Тем не менее можно прийти к практическим соображениям, рассмотрев для начала одну из самых простых ситуаций демократического правления. Это та ситуация, в которой имеется два кандидата на пост президента или две хорошо организованные партии, претендующие на формирование правительства. Подобное упрощенное представление помогает понять демократический механизм, поскольку придает демократии вид такой же «преобладающей» заинтересованности в обеспечении некоторых общественных благ, какая свойственна оседлому бандиту. Противоположное допущение будет сделано ниже. Однако я все же постараюсь избежать предвзятости в пользу демократии, не приписывая ей более благородных интересов. Я предположу, что демократические политические лидеры столь же своекорыстны, что и оседлый бандит, и стараются использовать любые средства для получения поддержки большинства.

Наблюдение над двухпартийными демократиями показывает нам, что должностные лица стараются представить свои кандидатуры как имеющие безупречную репутацию. Разумеется, у кандидата не могло бы быть столь безупречной репутации, если бы он присваивал себе максимально возможную долю чистого дохода общества. Однако мы слишком хорошо думали бы о демократии, предположив, что партия или президент, находящиеся у власти, будут стремиться увеличить свои шансы на переизбрание путем одного лишь повышения, насколько это возможно, благосостояния всего электората.

Для победы кандидату нужна лишь поддержка большинства, и, возможно, ему удастся «купить» большинство с помощью передачи части доходов всего населения в пользу будущего большинства. Налоги, которые пойдут на такое перераспределение, приведут к снижению мотивации и снизят производительность общества так же, как это происходит при перераспределении доходов деспотическим правителем. Приведет ли такая конкуренция при покупке голосов избирателей к столь же мощному искажению стимулов за счет налогообложения, как и действия разумного деспотического правителя? То есть будет ли у скупающего голоса демократического лидера мотивация к поднятию ставки налогов на уровень, дающий ему максимальный доход?

Нет. Несмотря на то что и правительство большинства, и деспотический правитель имеют преобладающую заинтересованность в обществе, поскольку контролируют налоговые поступления, значительную долю рыночных доходов общества получает большинство, что еще больше повышает его заинтересованность в производительности общества. Заинтересованность

большинства в рыночных доходах побуждает его перераспределять в свою пользу меньшую долю, чем та, что отобрал бы деспотический правитель. Это становится очевидным, если посмотреть, что получило бы большинство при максимально высоком уровне налогообложения. При обеспечивающей максимальный уровень дохода ставке налогов незначительное ее изменение не приведет к изменению налоговых поступлений. Небольшое увеличение налоговой ставки приведет к такому падению национального дохода, что даже при изъятии большей части дохода в виде налогов сборы не возрастут, а небольшое снижение налоговой ставки настолько увеличит национальный доход, что даже при меньшей доле изымаемого в виде налогов дохода сборы не уменьшатся. Такая ставка налогов является оптимальной для деспотического правителя, поскольку изменения в национальном доходе влияют на его собственный доход только в форме изменения налоговых поступлений.

Однако правительство большинства при максимизирующей доходы ставке налогов прибегает к увеличению своих доходов за счет снижения ставки налогов: когда национальный доход увеличивается, большинство получает не только налоги с этого увеличившегося дохода, как и деспотический правитель, но еще и больший доход на рынке. Таким образом, оптимальная ставка налогов при демократии будет ниже, чем при автократии. Возьмем простой арифметический пример и предположим, что уровень налогообложения, дающий максимальный доход, равен одной трети и что правительство большинства получает одну треть доходов национального рынка. Разумный деспотический правитель обнаружит, что последний доллар, получаемый им в виде налогов, сокращает национальный доход на три доллара. На него приходится одна треть от этой потери, поэтому он просто достигает уровня безубыточности, потеряв этот последний доллар и оставшись при такой максимально возможной ставке налогов. Однако если правительство большинства по ошибке установит такой же уровень налогов, оно причинит себе ущерб, так как оно потеряет два доллара (доллар, потерянный единоличным правителем плюс доллар рыночного дохода), взяв последний доллар из налоговых поступлений. Таким образом, правительство большинства предпочтет максимизировать свой общий доход за счет более низкой ставки налогов и меньшей доли перераспределения в свою пользу в сравнении с деспотическим режимом.

В более общих терминах, правительству (единоличному правителю, правительству большинства и любому другому) выгодно прекратить перераспределение дохода в свою пользу, когда национальный доход падает пропорционально получаемой им доле этого дохода. Если максимально возможная ставка налога равна половине, деспотический правитель прекратит увеличение ставки налогов в тот момент, когда национальный доход падает на два доллара при сборе последнего доллара налогов. Большинство, которое, допустим, получает три пятых национального дохода на рынке и приходит к оптимальной ставке налогов в одну пятую от национального дохода, которую оно перераспределяет в свою пользу, с необходимостью сокращает национальный доход на пять четвертых, или на доллар и двадцать пять центов, перераспределив в свою пользу последний собранный доллар. Таким образом, чем более обширной является заинтересованность правителя — тем большую долю национального дохода он получает от совокупности всех источников и тем меньшими оказываются общественные потери от перераспределения им доходов в собственную пользу. И наоборот, чем меньшую долю составляет его интерес, тем меньше правитель принимает во внимание общественные потери при перераспределении в свою пользу.

Это последнее соображение поясняет, почему приписывание демократиям чрезмерной заинтересованности в обществе приводит к чересчур оптимистичным ожиданиям от многих демократических режимов реального мира. Мелкие партии, которые, например, возникают при режиме пропорционального представительства, могут представлять лишь небольшую часть общества и тем самым не иметь или почти не иметь заинтересованности в учете общественных издержек политики, которую они проводят от имени своих ограниченных электоратов. Группы, объединяемые особыми интересами, которые главным образом определяют политику правительства в тех сферах, что представляют для них особый интерес, практически не имеют стимулов к учету общественных издержек производимого в их пользу перераспределения. Типичное лобби в США, например, представляет менее 1% приносящего доход населения страны. Из правила пропорциональности следует, что у такой группы стимул к прекращению дальнейшего перераспределения в пользу членов группы появляется только тогда, когда общественные издержки такого перераспределения по меньшей мере в сто раз превышают их выигрыш в борьбе за перераспределение доходов¹².

Вывод о том, что демократии всегда перераспределяют меньшую долю дохода, чем диктатуры, был бы неверным. Результаты перераспределения доходов при демократии, тем не менее, разделяются ее гражданами часто очень неравномерно. Политическая конкуренция при демократии, даже если она работает не вполне удовлетворительно, не дает лидеру правительства той заинтересованности, которую имеет деспотический правитель, в извлечении максимально возможного прибавочного продукта общества в свою пользу.

4. Многая лета королю!

Известно, что хозяйственная деятельность приносит максимальный доход только при высоком уровне капиталовложений, а также что долгосрочные вложения дают основную отдачу через много лет. Это означает, что дальновидный деспотический правитель будет стараться убедить подданных в надежности и постоянстве защиты их вложений не только от посягательств в виде сторонних грабежей, но и от экспроприации со стороны самого правителя. Если подданные боятся экспроприации, они будут менее склонны вкладывать средства, и в конечном счете это приведет к сокращению налоговых поступлений. Для получения максимально возможного дохода при данной ставке налогов обществу необходим беспристрастный механизм обеспечения исполнения контрактов, например контрактов на долгосрочные займы; однако максимальных выгод от этого следует ожидать также лишь в долгосрочной перспективе. Для полной реализации преимуществ долгосрочных контрактов государству необходима и стабильная валюта. Оседлый бандит, следовательно, получит максимальный доход в виде налогов, а его подданные получают максимальные преимущества от его обширной заинтересованности в производительности всего хозяйства, только если он руководствуется беспредельно далекой перспективой и только если его подданные полностью уверены в том, что их «права» на частную собственность и беспристрастное обеспечение исполнения контрактов будут всегда гарантированы, а монета или валюта не потеряет своей стоимости.

Теперь предположим, что единоличного правителя заботит только то, как прожить следующий год. В таком случае он только выиграет, экспроприруя любой капитальный актив, налоговые поступления от которого в течение

¹² *Olson M. The Rise and Decline of Nations.*

этого года окажутся меньше его общей стоимости. Он также только выиграет, отказавшись от принуждения к исполнению долгосрочных контрактных обязательств, от возвращения своих долгов и занявшись печатанием или чеканкой новых денег, которые можно будет потратить на текущие расходы, пусть даже в будущем это сулит инфляцию. И самое главное, когда правитель сочтет, что ему не выгодно беспокоиться о будущей производительности общественного хозяйства, его интересы начинают совпадать с интересами кочующего бандита, каковым он и становится¹³.

Вне всяких сомнений, разумный деспотический правитель, поскольку ему выгодно увеличение инвестиций и торгового оборота подданных, заинтересован в том, чтобы пообещать, что он ни в коем случае не прибегнет к конфискации средств или к отчуждению от своих активов. Однако обещание правителя не может быть приведено к исполнению ни одним независимым органом правоприменения или иной независимой силой, поскольку автократическая власть по определению есть власть, не предполагающая наличия над собой каких-либо судебных или иных источников власти, не подчиняющихся деспотическому правителю. По этой причине, а также вследствие всегда существующей опасности того, что правитель, опасаясь за свою власть или не имея наследника, может встать на позицию временщика, его обещаниям никогда нельзя полностью доверять. Таким образом, модель разумного корыстного деспотического правителя, которую я здесь предлагаю, является на самом деле излишне оптимистичной в отношении хозяйственной деятельности при деспотической власти, поскольку неявно предполагает, что правители имеют бесконечно далекий плановый горизонт, а подданные в это верят.

Многие правители, по крайней мере время от времени, руководствовались только краткосрочными планами: не счесть исторических примеров инициированных монаршей властью и диктатурами конфискаций имущества, безвозвратных долгов, обесценивания денег и инфляции.

Возможно, наиболее любопытным свидетельством значимости горизонта планирования монарха является свойственная всем историческим периодам озабоченность долговечностью монархов и некогда распространенное убеждение в предпочтительности династического правления для общества. Есть много способов пожелать королю процветания; однако его подданные, как показывает настоящее рассуждение, наилучшим образом выражают свои чаяния здравицей «многая лета королю!». Если король рассчитывает на длительное правление и ценит династическую преемственность, это делает его перспективу более долгосрочной, а подданные от этого только выигрывают.

Историческое преобладание династической преемственности, несмотря на практическое нулевую вероятность того, что именно сын короля окажется самым способным правителем, имеет, вероятно, отношение к еще одной незамеченной ранее черте абсолютизма. Любой правитель, обладающий абсолютной властью, по определению не может терпеть в своем государстве независимый источник общественной власти, который мог бы выбрать следу-

¹³ Когда война подтачивает уверенность в границах деспотического государства, временная перспектива единоличного правителя в отношении владения той или иной территорией укорачивается, даже если он надеется на то, что какая-то часть территории останется за ним. В предельном случае полная неуверенность относительно принадлежности территории правителю приводит к появлению кочующего бандитизма. Преимущества оседлого бандитизма перед кочующим с очевидностью проявляются в том случае, когда у территории есть естественные и военные укрепленные границы. Любопытно, что в ранней истории государства возникали в первую очередь в местах, называемых антропологами «естественно ограниченными», то есть на территориях с пахотной землей, окруженной пустынями, горами, или на побережьях (см: *Camiero R.L. A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169. P. 733—738*).

ющего правителя и навязать свой выбор обществу. Способность независимо назначать нового правителя означала бы и возможность ограничивать или смещать действующего правителя. Таким образом, как явствует из примеров современных диктаторских режимов в Африке или в Латинской Америке, большинство диктатур по своей природе особенно уязвимы с точки зрения преемственности власти и неуверенности в будущем. Эта неопределенность только усиливает описанную выше проблему краткосрочности интересов. При таких условиях для общества было бы выгоднее прийти к соглашению о том, кто может стать следующим правителем, поскольку это снижает социальные издержки отсутствия при автократии какой-либо независимой силы, способной обеспечить безболезненную передачу власти из рук в руки. Вот почему при автократии династическая преемственность оказывается выгодной для общества — не только потому, что она может предотвратить кризис передачи власти, но и потому, что заставляет монархов заботиться о долгосрочности своего правления и продуктивности своих обществ.

5. Демократия, права личности и хозяйственное развитие

Мы уже убедились, что если диктатор не рассчитывает на долгосрочную перспективу, то он будет заинтересован в конфискации собственности своих подданных, в нарушении любых контрактных обязательств, подписанных им при получении займов, и в целом — в игнорировании долгосрочных экономических последствий своих решений. Уже сама возможность перехода авторитарной власти к тому, кто имеет только краткосрочную перспективу, всегда снижает уверенность в ценности капиталовложений и выполнимости долгосрочных контрактов. Что нужно отдельным участникам хозяйственной деятельности для обретения максимальной уверенности в том, что любая приобретенная ими собственность будет гарантированно им принадлежать, а контракты, которые они подписывают, будут гарантированно приведены в исполнение?

Им нужно надежное правительство, которое уважает права личности. Однако права личности обычно являются проявлением существования особого множества правительственных институтов. Без правительства не может быть частной собственности! В мире, полном кочующих бандитов, многие могут обладать чем-либо, но никто не может похвастаться своей собственностью, защищаемой обществом. Чаще всего не существует и надежного механизма гарантированного исполнения контрактов, если вдруг не оказывается независимой судебной системы, которая могла бы обратиться к принуждению и обязать индивидов исполнять контракты, которые они заключили.

Однако индивиды хотят, чтобы их собственность и их контрактные права были защищены от посягательств не только других частных лиц, но и от самой главной силы, имеющей наивысшую власть в обществе, а именно — от самого правительства. Экономика получит наибольшие потенциальные выгоды от капиталовложений и долгосрочных контрактов, если в стране есть правительство, которое считается не только достаточно сильным для длительного пребывания у власти, но и ограниченным в своих возможностях нарушения прав собственности и контрактных обязательств. Что требуется обществу для того, чтобы правительство удовлетворяло этим двум условиям?

Любопытно, но условия, которые требуются для гарантий прав личности, обеспечивающих максимально возможное экономическое развитие, в точности те же, что требуются для формирования устойчивой демократии. Очевидно, что демократия недостижима, если индивиды, включая лидеров групп, конкурирующих за власть, не имеют свободы слова, а также гарантий

собственности и контрактных обязательств, или если право закона не соблюдается даже в том случае, когда оно требует от действующего правительства сложения полномочий. Таким образом, система независимого правосудия и уважение к закону и правам личности, ведущие к устойчивой демократии, обеспечивают в равной степени права личности и контрактные права.

Как подсказывает наше рассуждение, только те общества, в которых права личности на собственность и исполнение контрактных обязательств надежно защищены на несколько поколений вперед, можно считать обществами устойчивой демократии. При деспотической власти правитель часто ограничивается краткосрочной перспективой, а отсутствие какой-либо независимой силы, способной обеспечить мирную законную передачу власти, означает изрядную долю неуверенности в будущем после ухода данного правителя. История не дает ни одного примера длительной и непрерывной абсолютной монархии, где правители неизменно уважали бы права собственности и контрактные права своих подданных. Следует отметить, что продолжительность, время пребывания у власти и перспективы демократических политических лидеров порой еще короче, чем у типичных деспотических правителей, вследствие чего демократии часто теряют в эффективности. Однако при устойчивой демократии с предсказуемой сменой власти под эгидой закона рассмотрение судебных споров и обеспечение гарантий прав личности осуществляется с большей дальновидностью. В условиях устойчивых демократий многие индивиды с уверенностью вступают в долгосрочные контрактные отношения, учреждают трасты в пользу своих правнуков и создают фонды, которые должны, по их расчетам, существовать вечно, тем самым обнаруживая свою уверенность в бесконечно долгой гарантии своих законных прав.

Нет ничего удивительного в том, что капитал частенько перетекает из стран с постоянным или временным диктаторским правлением (даже если капитала в этих странах совсем немного) в страны с устойчивой демократией, даже при том, что в этих странах капитала и так вполне хватает и прибыль на капитал будет весьма скромной. Аналогично, доходы от активной контрактной деятельности, например в банковской сфере, страховании и на рынках капитала, также приходится в основном на страны с устойчивой демократией, такие как США, Великобритания и Швейцария. Хотя опыт подсказывает, что относительно бедные страны способны к необычайно бурному росту при сильном диктаторе, проводящем необычайно здравую экономическую политику, такой рост ограничен сроками правления одного или двух диктаторов. Не случайно страны, достигшие наивысшего уровня экономического развития и испытывающие экономический подъем на протяжении жизни нескольких поколений, — это именно страны устойчивой демократии. Демократии также в два раза чаще, чем диктаторские режимы, выходят победителями из войн¹⁴.

6. Немыслимый переход

Каким образом из диктатуры может вырасти демократия? Понять, каким образом возникает деспотическое правление и почему оно являлось доминирующей формой правления со времени развития оседлого сельского хозяйства, довольно легко: всегда найдутся сильные люди, которые захотят заработать на налоговых поступлениях. Значительно сложнее понять, как из автократии развивается демократия.

¹⁴ *Lake D.A. Powerful Pacifists: Democratic States and War // American Political Science Review. 1992. Vol. 86. P. 24—37.*

Было бы логической ошибкой предположить, что подданные единоличного правителя, которые страдают от непомерных поборов, его свергнут. Та же логика коллективного действия, что объясняет отсутствие в исторической практике общественных договоров, с помощью которых большие группы соглашались бы избрать форму правления и от этого выиграть, подразумевает и то, что массы не свергнут правителя только потому, что без него станет легче жить. История, по меньшей мере со времен первых фараонов и до Садама Хуссейна, свидетельствует, что решительные диктаторы способны выжить, даже обрекая свой народ на непомерные страдания. Когда такие диктаторы сменяются, эта смена происходит по иным причинам (например, вследствие кризиса преемственности), и часто они сменяются другими оседлыми бандитами¹⁵. Какие же особые обстоятельства приводят к установлению более или менее демократического¹⁶ или, по крайней мере, плюралистического правления на месте автократии?

Одно из очевидных особых условий заключается в том, что (отчасти по изложенным выше причинам) самые богатые страны — это демократические государства, и демократии обычно выигрывают в соревновании со своими основными соперниками-диктатурами, будь то фашизм или коммунизм. Победившие демократии часто поощряли или субсидировали переход к демократическому правлению в других странах. В ряде случаев, например в Германии, Японии и Италии после Второй мировой войны, победившие демократии просто требовали с позиции победителей учреждения демократических институтов в качестве платы за независимость от победивших держав. С теоретической точки зрения проблема заключается в том, чтобы объяснить не такие переходы к демократии, а те, что характеризовались внутренним источником и спонтанностью.

Как бы ни было просто заявить, что изначально или спонтанно демократические государства были награждены свыше демократической культурой или бескорыстными вождями, это будет попыткой уйти от ответа на вопрос. Речь идет о том, чтобы объяснить спонтанный переход к демократии исходя из той же скромной теории, что мы использовали в данной работе с самого начала.

Эта теория предполагает, что ключом к объяснению спонтанного возникновения демократии является отсутствие обычных условий, ведущих к установлению диктатуры. Задача состоит в том, чтобы объяснить, почему вождь, организовавший свержение диктатора, не захотел объявить себя следующим диктатором или почему группа заговорщиков, свергнувших правителя, не сформировала правящую хунту. Мы убедились в том, что деспотическое правление является наиболее прибыльным занятием и что инициаторы большинства переворотов и бунтов сразу назначали правителями самих себя. Итак, наша теория предполагает, что демократия, вероятнее всего, появится спонтанно там, где индивид или группа индивидов либо группа лидеров, организовавших свержение диктатуры, не смогли установить другую диктатуру, какие бы выгоды это ни сулило им самим. Наша теория указывает на то, что диктатуру можно предотвратить, а демократию сделать возможной за счет случайных

¹⁵ Примеры других типов оснований можно найти в: *Olson M. The Logic of Collective Action in Soviet-Type Societies // Journal of Soviet Nationalities. 1990. Vol. 1(2). P. 8—33.*

¹⁶ Для краткости в настоящей работе демократия определяется как конкурентные выборы, общественный плюрализм и отсутствие деспотии, а не как всеобщее избирательное право. Несмотря на то что путем непосредственного логического расширения приводимой нами теории можно легко объяснить, как ограниченное избирательное право превращается в более широкую систему, описание такого расширения и представление исторических свидетельств его достоверности потребовало бы значительных усилий.

поворотов истории, которые приводят к балансу сил или к тупику, вызванному распылением сил или ресурсов, что делает невозможным для одного лидера или для группы лидеров навязывание своей власти остальным.

Это умозаключение, однако, не ведет нас к какому-либо оригинальному выводу. Скорее, оно непосредственно указывает на одно из главных индуктивных открытий, обнаруженных в литературе по исторической и политической наукам в отношении зарождения демократии. Если наша теория верна, то изрядная доля правды есть и в знаменитой «Истории Британии от виггов», и в объяснениях демократии, предложенных такими политологами, как Роберт Даль¹⁷ и особенно Тату Ванханен¹⁸. Если предложенная нами теория верна, работы, которые утверждают, что своим появлением демократия обязана историческим условиям и распылению ресурсов, препятствующим захвату власти одним лидером или группой лидеров, также верны.

И все же следует вернуться к теории, чтобы углубиться в немаловажные детали. Даже при наличии баланса сил, не позволяющего одному лидеру или группе полностью захватить власть в пределах большой территории, лидер каждой из групп может объявить себя единоличным правителем малой территории. Распыление власти и ресурсов на большой территории с вероятностью приведет к образованию ряда мелких диктатур, а не к демократии. Если все же различные противоборствующие группы оказываются лицом к лицу на одной обширной и хорошо распланированной территории, провозглашение малых диктатур невозможно. Столь же невозможным это окажется, если каждый из лидеров, способный провозгласить такую малую диктатуру, понимает, что закрепиться на небольшой территории как правителю ему не удастся — либо из-за агрессивного настроения других диктаторов, либо по иной причине.

Если пересечение избирательных округов или иная причина не позволяет разделить территорию на мини-диктатуры, лидеры каждой из групп сочтут наиболее вероятным способом достижения своих целей при сложившемся балансе сил совместное властвование. Когда ни один из лидеров не может занять главенствующего положения или собрать своих сторонников на компактной территории, остается альтернатива: либо ввязаться в бесплодную конкурентную борьбу, либо выработать условия мирного сосуществования с противниками. Обеспечение мирного порядка и иных общественных благ в таких условиях будет выгодно каждой из групп; таким образом, у лидеров группировок появляется стимул к выработке взаимоприемлемых решений для обеспечения гарантий общественных благ. В условиях мира для всех лидеров и сторонников каждой из групп оказывается весьма выгодной возможность заключения соглашений друг с другом — отсюда их взаимная заинтересованность в установлении независимого и непредубежденного судебного органа. При наличии нескольких групп нельзя заранее предугадать результат выборов, однако каждая из групп может, объединившись с другими, следить за тем, чтобы ни один из соперников не получал постоянного преимущества на выборах. Таким образом, выборность, как и взаимные соглашения между лидерами различных групп, не расходятся с интересами лидеров и участников каждой из групп.

При наличии значительного числа демократий, спонтанные и полностью независимые переходы от диктатуры к демократии случаются весьма нечасто. Основные демократические режимы англоязычного мира своим основани-

¹⁷ *Dahl R.* Polyarchy, participation and opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.

¹⁸ *Vanhanen T.* The Process of Democratization: A Comparative Study of 147 states, 1980—1988. N. Y.: Crane Russak, 1990.

ем во многом обязаны плюрализму и демократии, возникшим в Британии XVII века, и, таким образом, не могут считаться чистым примером, подтверждающим выдвинутую здесь теорию перехода к демократии.

К счастью, изначальное возникновение демократии в ходе Славной революции 1689 года в Англии (и постепенный медленный переход от демократии с весьма ограниченным правом голоса ко всеобщему избирательному праву) как нельзя лучше иллюстрирует логику демократических перемен, изложенную в настоящей теории. Гражданские войны в Англии не смогли выявить настоящих победителей. Разнообразные течения британского протестантизма, а также экономические и социальные силы с ними связанные оказывались относительно равными. Борьба шла довольно долго и обошлась весьма недешево, но после Кромвеля ни одна из сторон не имела достаточных сил для окончательной победы над остальными претендентами. Восстановленные на троне Стюарты могли бы добиться успеха, однако их многочисленные ошибки и промахи в конце концов объединили против них всех ранее враждовавших протестантских лидеров и иные политические силы и привели в итоге к их окончательному поражению.

Так случилось, что в то время ни один из лидеров, ни одна из групп и ни одно из движений не были достаточно сильны для того, чтобы навязать свою власть всем остальным или создать новую диктатуру. И ни одна из сил не была заинтересована в том, чтобы помочь сделать это королевской власти Вильгельма и Марии. Наилучшим выходом для всех лидеров и властных групп стало достижение соглашения об установлении власти парламента, в который смогли бы войти все силы, и принятие определенных мер предосторожности против возможного захвата власти кем бы то ни было посредством создания независимого суда и принятия Билля о правах. (Распространение избирательного права слишком долгая история, чтобы ее можно было рассказать на этих страницах. Несложно, однако, представить, что, как только общество перестает быть деспотическим и в нем надежно воцаряется плюрализм, различные вновь возникающие группы могут обернуть выгоды, что давало им узкое избирательное право, в частности затраты на подавление, которые можно возложить на новых избирателей, в более широкое избирательное право.)

Со скрупулезно ограниченной монархией, независимым правосудием и Биллем о правах английский народ постепенно обрел достаточную уверенность в том, что любые контрактные отношения будут беспристрастно проводиться в жизнь и что право частной собственности, даже в отношении тех, кто критикует правительство, сравнительно надежно закреплено. Права личности на собственность и принуждение к исполнению контрактных обязательств в Британии 1689 году были, вероятно, гарантированы более надежно, чем где бы то ни было, и именно в Британии вскоре после Славной революции началась революция промышленная¹⁹.

Несмотря на то что установление демократического национального правительства в США (а также в ряде других районов расселения выходцев из Британии, например в Австралии и Канаде) отчасти было следствием примера или результатом влияния Великобритании, это было в равной мере следствием отсутствия у какой-либо одной группы или колониально-

¹⁹ Впечатляющее свидетельство того, насколько бурным был рост городов в Средние века и в ранненовоевропейский период при демократических и ограниченно деспотических режимах, можно увидеть в работе: *DeLong J.B., Schleifer A. Princes and Merchants: European City Growth before the Industrial Revolution. Cambridge: Harvard University. Mimeo. 1992.* Фактически работа Делонга и Шлейфера является проверкой теории преимуществ демократии, которую я выдвигаю.

го правительства возможности подавить все остальные силы. Тринадцать колоний были очень разными в плане таких важных характеристик, как наличие рабства и религия, но ни одна из них не располагала достаточной силой для установления власти над другими. Чтобы отделиться, колониям пришлось, в общем и целом, прибегнуть к достаточно широкой внутренней демократии при британском правлении, а многие колонии из-за наличия в них различных религиозных и хозяйственных групп были еще и внутренне неоднородными. Многие из авторов Конституции США вполне осознавали важность сохранения разделения власти («системы сдержек и противовесов») для предотвращения возникновения диктатуры.

7. Различие в источниках прогресса при диктатурах и демократиях

Поскольку человеческая природа крайне сложна, а отдельные личности редко руководствуются в своих действиях несмешанными чистыми интересами, предположение о разумном эгоизме, которое мы использовали при разработке данной теории, оказывается сильным упрощением действительности. Вместе с тем, использованное утрированное предположение не только позволило упростить пугающе сложную реальность, но и внесло элемент объективности: одна и та же мотивация была принята за основную для всех режимов. Полученные результаты, вероятно, окажутся достаточно верными и при последующих, более близких к реальности и сложных допущениях.

Использование одного мотивационного предположения и одной теории при рассмотрении как автократии, так и демократии также позволяет пролить свет на основные различия в источниках экономического роста и препятствиях на пути прогресса при диктатуре и демократическом правлении. При диктатуре источником порядка и других общественных благ, равно как и источником общественного прогресса, являющегося следствием этих общественных благ, становится преобладающий интерес единоличного правителя. Основным препятствием на пути долговременного прогресса при деспотических режимах является то, что права личности даже в таких относительно неполитических или хозяйственных вопросах, как собственность и контракты, никогда не бывают надежно гарантированы, по крайней мере в долгосрочной перспективе.

Несмотря на то что демократии также могут значительно выигрывать от направленности интересов различных государственных чиновников и политических партий, это далеко не всегда должным образом осознается²⁰; равно как не осознаются и колоссальные сложности предотвращения вмешательства узкоспециальных интересов в политические хозяйственные решения при устойчивой демократии. Наряду с этим демократии имеют серьезное преимущество в том, что препятствуют извлечению большей доли общественного прибавочного продукта в пользу правителей. К преимуществам демократии можно также отнести и то, что акцент на соблюдении прав личности, являющийся краеугольным камнем устойчивой демократии, также необходим для надежного обеспечения гарантий собственности и исполнения контрактов. При том что моральная притягательность демократии сегодня признана почти повсеместно, ее экономические возможности едва ли до конца осознаны.

---

²⁰ *Olson M.* The Rise and Decline of Nations; *Olson M.* A Theory of the Incentives Facing Political Organizations: Neo-corporatism and the Hegemonic State // *International Political Science Review*. 1986. Vol. 7. P. 165—189.